

Шокирующая история Российской империи

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

РУССКИЙ
ШЕРЛОК ХОЛМС

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПОЛИЦИИ

Александр Александрович Бушков

Русский Шерлок Холмс.

История русской полиции

Серия «Бушков. Шокирующая история Российской империи»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64424386

*Русский Шерлок Холмс. История русской полиции: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118255-7*

Аннотация

История криминального сыска в России хранит десятки имен гениальных сыщиков, которые буквально творили чудеса.

Вот сыщик Гаврило Яковлевич Яковлев, ставший знаменитостью во времена Александра I, наделенный инстинктивным чувством распознавания преступников в толпе по одной их внешности. Вот знаменитый московский сыщик Поляков, которого во времена Николая I именовали «самородком». Или пристав Хотинский, который знал наперечет всех московских воров и адреса всех притонов. А что говорить про Ивана Дмитриевича Путилина, легенду русской сыскной полиции, которого называли русским Шерлоком Холмсом!

Об этих и других удивительных сыщиках царской России блистательный Александр Бушков рассказывает настолько непринужденно, легко и подробно, что складывается впечатление, будто он знал их всех лично и вместе с ними ловил преступников...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	30
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Александрович Бушков Русский Шерлок Холмс История русской полиции

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бушков А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава первая

XVIII век: полиция появляется

Реформы Петра I взбаламутили Россию до крайней степени и дали мощную подпитку криминальному элементу, главным образом за счет беглых. Бежали со всевозможных «великих строек», бежали помещичьи крестьяне и дворовые, при первой возможности бежали новобранцы... Да кто только не бежал и куда только не бежали! Одни уходили на Дон, где еще держалась старая традиция «с Дона выдачи нет»; находились и такие, что убежали даже к «нехристям» — на башкирские и калмыцкие земли. Но значительная часть беглых оставалась в России. Одни, согласно старым традициям, промышляли на больших дорогах, другие оседали в больших городах — там легче и укрыться, и добывать пропитание, сплошь и рядом методами насквозь несправедливыми. Сплошь и рядом не по испорченности натуры или тяге к злодейству. Жизнь заставляла. Петр I ввел в России паспорта — и некий прообраз прописки, при котором каждый домовладелец обязан был предоставлять властям сведения обо всех, кого принимает на жительство или на работу (за нарушение этого правила наказания полагались не веселые — конфискация имущества и ссылка на галеры). А откуда у беглого паспорт? Его, конечно, можно подделать, но это ведь не всякий

сумеет, особенно не владея грамотой...

Одним словом, получалось что-то вроде Чикаго – но гораздо хуже. Сыскной приказ был распущен, борьба с преступностью повсюду возлагалась на воевод, у которых и без того хватало других забот, особенно теперь, когда по стране девятым валом катились реформы и лавиной текли царские указы, порой противоречившие друг другу. К тому же, выражаясь современным языком, катастрофически не хватало ни кадров, ни финансирования. Так что на воевод особых надежд возлагать не стоило...

Поначалу Петр пытался решить проблему с помощью армии (как сплошь и рядом и другие, к военным делам вообще не имевшие отношения). «Романтиков большой дороги» преследовали воинские команды – с переменным успехом, потому что порой разбойничьи шайки были столь многочисленными, что походили скорее на повстанческие отряды (и иногда происходили сущие сражения). По ночам столицу патрулировали опять-таки армейские кавалеристы.

Если в случае с разбойниками применение военной силы как нельзя более оправданно (иные шайки располагали не только ружьями в приличном количестве, но иногда и пушками), то военные в качестве патрульно-постовой службы – не самая лучшая идея. Некоторая польза от них была (могли, скажем, схватить «ночных портных» на месте преступления или просто спугнуть), но полноценная полицейская служба – это совсем другое...

Некоторым утешением (правда, слабым и сомнительным) служит то, что в Англии в те же времена обстояло в точности так же, если не хуже. Такой вот интересный парадокс: англичане еще в XVI веке создали постоянную спецслужбу, занимавшуюся (и весьма неплохо) заграничной разведкой, контрразведкой и тайным политическим сыском, но вот настоящую полицейскую службу создали отчего-то только в XIX веке, столетия на три отстав в этом от большинства европейских стран, в том числе и России.

В городах с наступлением темноты улицы патрулировала так называемая «ночная стража», в основном состоявшая из стариков, «вооруженных» лишь фонарями, трещотками и посохами. Толку от них, в общем, не было никакого. Горожане язвили: своими фонарями «стражники» лишь освещают дорогу преступникам, а трещотками оказывают еще большую услугу: вышедший на промысел мазурик прекрасно знает, где проходит сторож, и тихонечко это место обходит.

В сельской местности обстояло немногим лучше. Основной административной единицей в Англии, так уж исторически сложилось, был церковный приход. Приходские власти занимались не только церковными делами, но и решали множество, как сказали бы мы сегодня, административно-хозяйственных задач. В том числе и боролись с преступностью. Сводилось это к тому, что из числа прихожан набирали на год определенное количество «констеблей» (имевших мало

общего с констеблями XIX века), которым и предстояло отлавливать всевозможный уголовный элемент – причем совершенно бесплатно. Конечно, находились любители экстрима, которым гораздо интереснее было гоняться за ворами-разбойничками, чем заниматься скучными хозяйственными делами, но вряд ли их было много. В массе своей констебли, что неудивительно, исполняли «обязаловку» спустя рукава. Благо еще в 1816 году можно было купить особый документ – своего рода индульгенцию, на всю жизнь избавлявшую от службы в констеблях. Вот только стоила эта бумага 25 фунтов – по тем временам сумма крайне серьезная, которую могли заплатить лишь особо зажиточные люди.

Вернемся в Россию. В конце концов власти (то есть в первую очередь сам Петр) поняли, что нужна все-таки полиция – как уже говорилось, в том или ином виде давным-давно существовавшая в большинстве европейских государств. В 1715 году указом Петра была создана Главная полицмейстерская канцелярия Санкт-Петербурга. Правда, три года она существовала исключительно на бумаге – как будущий орган управления полицией, которую еще только предстояло создать.

А потому днем рождения российской полиции можно считать 25 мая 1718 года – именно в этот день появился императорский указ, в котором впервые прозвучало слово «полиция» и был назначен Санкт-Петербургский генерал-полицмейстер, которому и подчинили помянутую канцелярию.

Им стал уже упоминавшийся в одной из прошлых книг Антон Мануилович Девиер (Девьер), один из любимцев Петра, его бывший денщик.

С самого начала «хозяйство Девиера» было поставлено в исключительные условия – выведено из системы государственного управления. Девиер не подчинялся генерал-губернатору столицы, всесильному Меншикову. Правительствующему Сенату, правда, подчинялся, но исключительно в хозяйственных делах: как-либо распоряжаться делами Канцелярии господ сенаторы не могли. По сути, Петр создал очередную силовую структуру, замкнутую лично на него.

Он же самолично составил и знаменитые «Тринадцать пунктов» – первый в России устав полицейской службы, который я приведу здесь целиком, – вполне возможно, многим любителям истории это будет интересно (а остальные могут пропустить и читать дальше).

«1. Смотреть, чтобы все строение было регулярно построено по Его Царского величества указу; печи, камели (камины. – А. Б.) и трубы печные были бы также по указу, чтобы никакое строение за линию не выходило; чтобы улицы и переулки были добры и изрядны.

2. Чтобы берега рек и протоков, а также сточные каналы были хорошо украшены, дабы весною и в дожди землю их не заносило и чтобы вода нигде не останавливалась.

3. Чтобы улицы и переулки содержались в чистоте, были бы сухи и чтобы проезд по ним был нетруден.

4. Чтобы шалашей по проезжим дорогам и у мостов близко не ставили и покрывали бы их холстом, а не рогожами.

5. Чтобы торговцы не продавали съестных припасов недоброкачественных, а тем более вредных для здоровья; чтобы меры и весы были верные, и чтобы цены на съестные припасы объявлялись умеренными.

6. Наблюдать за чистотою улиц, переулков, рядов (торговых. — А. Б.) и мостов и каждому жителю поставить в обязанность держать в чистоте улицу перед своим двором, убирать сор и отвозить его в указанное место, но отнюдь не в реку; виновных подвергать жестокому штрафу.

7. Прекращать всякие ссоры на улицах и рынках, арестуя виновных и отсылая их в надлежащий суд с их допросами и делом.

8. Всякую четверть года осматривать печи, камели, в поварнях очаги и прочие места, где водится огонь, и предостерегать хозяев, чтобы с огнем обращались осторожно.

9. Искоренять подозрительные дома, как-то: шинки, игорные дома, притоны разврата.

10. Гуляющих и слоняющихся людей (бомжей, по-современному. — А. Б.), а также нищих арестовывать и допрашивать; буде же кто в допросе со словами своими не сходен явится, определять в работу.

11. Наблюдать, чтобы хозяева немедленно давали знать полиции о всяком приезжающем к ним на жительство и отъезжающем, а также о найме работников из гулящих людей;

виновных хозяев ссылатъ на галеры с отобраиен всего имущества.

12. Для охранения от воров и пожаров определить со дворов караульщиков. Против воров надлежит иметь какое-нибудь оружие, а на случай пожаров ведра, топоры, войлочные щиты, лестницы деревянные, трубы, а в некоторых сборных местах крюки, паруса (паруса набрасывали на горящее здание, смочив водой. — А. Б.) и большие водоливные трубы. По ночам караульщики должны ходить с трещотками. А для лучшего способа к пойманью и пресечению проходов воровских и против непотребных людей сделать по концам улиц шлагбаумы, которые спускать по ночам и иметь при них караулы с ружьями.

13. Для лучшего наблюдения за выполнением предписанного семи пунктами назначения иметь в каждой слободе или улице старосту и с каждых десяти дворов десятского из тех же жителей с тем, чтобы каждый за своим десятком накрепко смотрел, чтобы чего не случилось противного запрещению, и, если за кем что усмотрят, о том тотчас объявлять старосте, а этот полицмейстеру. Также учинить распорядок между жителями, кому с каким пожарным оружием являться на пожары».

Тот, кто прочел документ внимательно, согласится: тогдашней полиции не позавидуешь. Кроме борьбы с преступностью, на нее взвалили (другого слова и не подберешь) кучу функций, которые сегодня выполняют немало организаций,

к полиции отношения не имеющих: пожарные, санитарная и торговая инспекция, коммунальные службы. Как они только со всем этим справлялись? А ведь справлялись как-то – у Петра не забалуешь (известны случаи, когда и Девиеру, подобно многим другим высшим сановникам, приходилось получать не только словесную выволочку – и по нему иногда прогуливалась знаменитая петровская трость, больше похожая на дубину).

Уже в следующем, 1719 году для служащих Главной полицейской канцелярии была введена особая форма: василькового цвета кафтаны с красными обшлагами и воротником, васильковые панталоны и зеленые камзолы, а в качестве головных уборов – «особого вида картузы», круглые и высокие.

В Англии полицейская форма впервые появилась почти девяносто лет спустя – синий мундир и красный жилет. Впрочем, так была обмундирована не полиция, а своеобразный спецназ того времени – особый конно-патрульный отряд, гонявшийся исключительно за грабителями, несколько столетий промышлявшими на больших дорогах вокруг Лондона в немалом количестве. Не зря тогдашние почтари (кучера и почтальоны) были вооружены, непременной принадлежностью частной кареты считался ящик для пистолетов, а любой путешественник, имевший к тому возможность, вооружался шпагой и парой пистолетов. (Кстати, идея оказалась неплохой: конно-патрульный отряд буквально за

несколько лет с грабителями покончил, правда, безопасными стали только окрестности Лондона, а в «глубинке» сухопутные «джентльмены удачи» резвились еще какое-то время.)

Ну а в создании полиции Россия опередила Англию на целых сто одиннадцать лет. Еще в 1750 году знаменитый английский писатель Генри Фильдинг, по совместительству крупный судейский чиновник, организовал некое подобие полиции, так называемых «ловцов с Боустрит». В состав этой конторы входили и сыщики, отслеживающие преступников, и ночная патрульная служба, правда, к 1800 году состоявшая всего из 58 человек и ходившая дозором лишь по центральным улицам Лондона. Капитаны были вооружены карабинами, парой пистолетов и саблей, рядовые – только саблями. Формы они опять-таки не носили. Лишь в 1829 году в Лондоне появилась столичная полиция. Знаменитое прозвище «бобби» полицейские получили тогда же – в честь секретаря внутренних дел, а потом и премьер-министра сэра Роберта Пиля, как раз и «пробившего» в парламенте акт о создании полиции. «Бобби» носили синие мундиры и... цилиндры, лишь через несколько лет замененные шлемами.

Вернемся в Россию. Уже в 1720 году в Санкт-Петербургской полиции служили 10 офицеров, 20 унтер-офицеров и 160 рядовых (при тогдашнем населении столицы в 120 000 человек, пожалуй, что и маловато).

Служилось, надо сказать, трудненько – и не только из-за

малого числа полицейских и большого объема возложенных на них функций. Как и «приходские констебли» в Англии, старосты, ночные караульщики из обывателей и десятские за свои труды не получали ни копейки, а потому особенно себя и не утруждали. Человеческая природа везде одинакова, что в Англии, что в России. Как говаривал великий певец Федор Шаляпин, «бесплатно только птички поют»...

Впрочем, и состоящие на службе люди Девиера, хотя и должны были получать то же жалованье, что и военные, но это – в теории. А на практике полицейские оказывались голыми и босыми – не в переносном, а в прямом смысле слова. Девиер, конечно, был сановником в высоких чинах, оставался любимцем Петра до самой смерти царя, но ни чинами, ни царской милостью сыт не будешь. Государственные финансы пребывали в самом плачевном состоянии – деньги, как пылесосом, выкачивали и долголетняя война со шведами, и всевозможные «великие стройки», и сиятельные казнокрады вроде Меншикова с кучей последователей (правда, значительно уступавших ему в размахе). Сохранился рапорт Девиера в Сенат о состоянии дел во вверенной ему Канцелярии. Там генерал-полицмейстер открытым текстом пишет, что его люди годами не получали ни жалованья, ни обмундирования, ни ружей: «...За босотою и наготою на работы не выходят, а за неимением амуниции на караулы не ходят». Какие меры принял Сенат по этому рапорту, неизвестно, но вряд ли положение особенно уж улучшилось: казна была пу-

ста. Остается только удивляться, как в таких условиях Девиер все же ухитрялся исполнять возложенные на него многочисленные обязанности. Невероятной энергии был человек...

В 1722 году полицмейстерскую канцелярию с обер-полицмейстером во главе создали и в Москве (подчинявшуюся Девиеру). Тогда же в некоторых крупных городах (но далеко не во всех) ввели должность полицмейстера, руководившего полицейской канцелярией, или конторой. Как правило, полицмейстера назначали из офицеров местного гарнизона, давая ему в подчинение нескольких канцеляристов и с десятков сержантов и солдат.

Интересная деталь: очень похоже, кто-то в верхах власти был, полное впечатление, большим романтиком. Еще при жизни Петра I «Тринадцать пунктов» дополнили «Регламентом Главного магистрата». Теперь провозглашалось, что полиция вдобавок к своим многочисленным обязанностям «принуждает каждого к труду и честному промыслу», «запрещает излишества в расходах» и даже участвует в воспитании молодежи «в целомудренной чистоте и честных науках». Легко догадаться, что все эти благие помыслы так и остались на бумаге, – полиция едва справлялась с тем, что на нее уже взвалили. По-прежнему для борьбы с преступностью, в том числе и городской, на подмогу приходилось выделять воинские команды. Жителей пригородов Петербурга полиция обязывала вырубать окрестные леса, чтобы лишить

разбойников укрытия.

Сельской полиции так не существовало вообще — до ее создания оставались десятки лет.

Немного о следствии. Полицейская канцелярия вела, выражаясь современным языком, лишь предварительное следствие по делам о воровстве и разбое, а потом отправляла для дальнейшего следствия и суда либо в так называемую Юстиц-коллегию (в Петербурге), или в губернские и воеводские канцелярии (если дело происходило в других городах).

Все эти порядки, в общем, без изменений, сохранялись в течение «смутной пятилетки», как можно назвать недолгие царствования Екатерины I и Петра II. Высшие сановники были слишком увлечены интригами, казнокрадством, борьбой за власть и близость к трону, чтобы обращать внимание на полицию. Девиера ненавидевший его Меншиков по насквозь надуманному (а порой прямо-таки вздорным) обвинению отправил в сибирскую ссылку. После чего дела в полиции лучше не пошли, наоборот...

Достаточно серьезные изменения стали происходить, когда на престоле прочно утвердилась Анна Иоанновна. Уже в первый год своего царствования она восстановила Сыскной приказ, тридцать лет назад ликвидированный Петром I. Сделано это было с самыми благими целями, для усиления борьбы с преступностью, но, как это порой случается, результат вышел прямо противоположный, о чем я уже подробно писал в одной из предшествующих книг: под крылышком

Сысского приказа обосновался знаменитый Ванька Каин, он же – официальный штатный доноситель, он же – глава шайки воров и разбойников. Коррупция затронула не только руководство Сысского приказа, но и Сенат.

Каина в конце концов законопатили в Сибирь; большинство замешанных в его неблагоприятных делишках сановников отделались легким испугом, но следствие и суд были из Сысского приказа изъяты и вновь переданы Главной полицмейстерской канцелярии – точнее, специально созданной при ней Розыскной экспедиции.

На Санкт-Петербургскую полицию взвалили дополнительные обязанности: следить, чтобы пришедшие с грузами речные суда не стояли долго без выгрузки, вдобавок поднимать затонувшие. Возложили еще и заботу об уличном освещении, чистку Невы и каналов...

Правда, оказывали и помощь: теперь для уличных работ, чистки реки и каналов при полиции постоянно содержались в виде рабочих команд каторжники из столичных тюрем, обычно около ста человек. Для патрулирования улиц и ловли преступников к Главной полицмейстерской канцелярии на постоянную службу прикомандировали драгунскую полуроту. Для помощи в тушении пожаров стали выделять гвардейские полки, у которых имелись импортные пожарные насосы («трубы заливные аглинские»).

Усилили борьбу с нищенством, действуя незамысловато, в стиле эпохи: время от времени устраивали массовые обла-

вы, потом отловленных сортировали: молодых и крепких либо сдавали в солдаты, либо отправляли куда-нибудь на работы («великие стройки» продолжались – прокладывали каналы, устраивали новые гавани, осушали заболоченные места в Петербурге, чтобы строить там дома). Старых и дряхлых определяли в монастыри или появившиеся к тому времени богадельни.

Всерьез занялись борьбой с тогдашними нарушителями правил уличного движения – слишком многие гоняли лошадей во весь опор, частенько сшибая с ног, а то и калеча прохожих. Предписывалось, чтобы езда по улицам «была тихой и смирной».

Ну и, конечно, боролись с извечным русским злом – пьянством и логически проистекающими из него «предерзостями и драками». Пикеты и караулы у рогаток-шлагбаумов были обязаны следить, «дабы пьяные по улицам не зорили и песен не кричали, а которые будут то чинить, и таких ловить и приводить в полицию». Однажды борьба с пьянством вылилась в форменный анекдот. Любимый шут царицы Балакирев даже на фоне того, отнюдь не страдавшего трезвостью, времени славился вовсе уж безудержным пьянством и устраивал у себя феерические кутежи. Применять к своему любимцу какие-то жесткие меры императрица не хотела, но однажды на нескольких оживленных столичных улицах появились полицейские и под барабанный бой объявили: отныне всем петербургским обывателям, «коего бы звания ни были», настро-

го запрещено принимать Балакирева у себя и посещать его дом. Вскоре, правда, опять-таки под барабанный бой, запрет отменили, однако при посещении Балакирева и приеме его у себя строжайше запрещалось предаваться пьянству (и все, полагаю, пошло по-прежнему: ну как такой запрет проконтролировать?).

Начал действовать своеобразный «стол находок»: если кто-то находил на улице достаточно ценную вещь и приносил ее в полицию, та на одной из площадей под барабанный бой объявляла о находке, либо вывешивали объявления в «присутственных местах», то есть государственных учреждениях. (Крепко подозреваю, что далеко не все из нашедших что-то ценное оказывались «благородными возвращателями».)

Появилось и еще одно оригинальное новшество: полиция стала весной и осенью выставять караулы по берегам Большой и Малой Невы «для непропуску через оные людей, ибо известно, что многие, отважась и несмотря, что река худа, пошед через лед, потонули».

Вот и все, пожалуй, что можно рассказать о времени Анны Иоанновны с точки зрения двух наших главных тем – криминала и органов правопорядка. О самом шумном и крупном уголовно-коррупционном скандале, истории Ваньки Каина, я уже подробно писал в одной из предшествовавших книг. Более-менее серьезных реформ, касавшихся бы полиции, при Анне Иоанновне так и не произошло.

Зато они случились в царствование Елизаветы Петровны – именно что достаточно серьезные. Сначала Елизавета резко, перепрыгнув через ступеньку Табели о рангах, повысила в чине генерал-полицмейстера: со времен Петра он состоял в пятом классе (приравнен к генерал-поручику, по современным меркам генерал-майор), а теперь получил третий класс (генерал-полковник по-нашему).

Собственно говоря, простое повышение в чине – вещь не особенно и серьезная. Но вот вскоре началось серьезное...

Главная полицмейстерская канцелярия, согласно новым регламентам, стала прообразом Министерства внутренних дел: теперь она руководила всеми полицейскими силами империи – не только столичной полицией, как раньше, но и московской полицмейстерской канцелярией и полицмейстерскими конторами всех городов, где они имелись. То есть было введено централизованное управление.

Более того: вскоре генерал-полицмейстер (и, соответственно, вся полиция империи) был выведен из подчинения Сенату и перешел под личное руководство императрицы. Даже зловещая Тайная канцелярия, созданная Петром I контора политического сыска, отныне имела права каким бы то ни было образом вмешиваться в дела полиции. Все жалобы на полицию должны были направляться генерал-полицмейстеру.

Я могу и ошибаться, но не исключено, что именно Елизавета Петровна первой создала систему, которой впослед-

ствии следовали не только в России, но и во многих других странах: несколько независимых спецслужб, часто замыкавшихся непосредственно на правителя, как бы он ни именовался. Что было только к выгоде означенного правителя: службы конкурировали меж собой, а значит, бдительно присматривали друг за другом, радостно сообщая на самый верх о любой серьезной оплошке соперника (да и менее серьезной тоже). Здоровая конкуренция, одним словом.

(Вообще-то в те же самые времена у французского короля Людовика XV имелось несколько совершенно автономных, подчинявшихся только его величеству спецслужб, но все они занимались исключительно внешней разведкой.)

Не исключено, что именно благодаря нововведениям Елизаветы ее царствование прошло, в общем, спокойно, без достаточно серьезных и достаточно опасных заговоров. Правда, в самые последние годы ее жизни, когда многим казалось, что ставшая часто хворать императрица вот-вот умрет, заговоров возникло целых два. Две группы сановников намеревались в случае «неожиданностей» (так деликатно именовалась возможная внезапная кончина Елизаветы) возвести на престол своего кандидата. Одна собиралась сделать единовластной правительницей молодую Екатерину, посторонив ее супруга, другие как раз наоборот, – ставили на Петра Федоровича. Однако первый заговор был вовремя вскрыт спецслужбами, а второй как-то незаметно рассосался сам собой (впрочем, о нем известно настолько мало, что далеко не

все историки верят в его существование).

Был еще загадочный случай с покушением на Елизавету, когда в одном из дворцовых переходов бдительные спецслужбисты сцапали некоего субъекта с кинжалом под полой. Однако эта история навсегда останется загадкой: субъект этот оказался крепким орешком, так и умер под пытками, не сказав совершенно ничего: ни кто он такой, ни кто его послал (если кто-то посылал). Так что в этом случае при совершеннейшем отсутствии доказательств о заговоре говорить нельзя. В конце концов, покушавшийся мог оказаться и одиночкой, каких немерено в мировой истории. Своя версия у автора вообще-то есть: фанатичная стойкость под пытками наталкивает на мысль, что ниточка может тянуться к старообрядцам – люди были железные и к Елизавете относились без всякой любви, наоборот. Вот только доказательств этой версии нет и никогда не отыщется...

Ставший после смерти Елизаветы императором Петр III тоже довольно быстро занялся реформами полицейского ведомства. Московского обер-полицмейстера он поднял в чине до генерал-полицмейстера (правда, оставив в подчинении генерал-полицмейстера петербургского). И одновременно ввел новую должность: «Главного директора над всеми полициями», опять-таки подчинявшегося лично императору.

Все эти реформы касались только «центрального аппарата». На местах все осталось по-прежнему: новых полицмей-

стерских контор в «неохваченных» такими структурами городах так и не появилось, сельской полиции по-прежнему не существовало. Росло сопротивление военного начальства, которому не нравилось, что солдат и офицеров городских гарнизонов то и дело целыми командами отправляют на помощь полиции. А собственных сил полиции откровенно не хватало.

Скорее всего, Петр III (что бы о нем ни наплели впоследствии его враги, человек умный, дельный и энергичный) начал бы и далее проводить полицейские реформы. Но он попросту не успел. Слишком мало времени у него было, да и самой жизни оставалось слишком мало. Пролетав в неполных семь месяцев, он был свергнут собственной супругой с помощью пары гвардейских полков и через несколько дней убит...

Вполне вероятно, что он остался бы жив и по-прежнему сидел бы на троне, не соверши серьезнейшей ошибки, оказавшейся для него роковой... По благородству души Петр ликвидировал Тайную канцелярию – и не стало мощной спецслужбы, накопившей огромный опыт в раскрытии всевозможных заговоров. Скорее всего, такое решение было вызвано не только гуманизмом, но и немецким в значительной части менталитетом. Первые шестнадцать лет жизни (когда человек как раз и формируется как личность) Петр прожил в Германии (точнее, в одном из множества мелких государств, на которые была тогда разделена Германия, но это не суть

важно). И не мог не проникнуться немецким менталитетом. В Германии XVIII столетия попросту не было ни заговоров, ни военных переворотов (они начнут прорезаться лишь в конце века, а уж в XIX веке расцветут пышным цветом). Германия того времени – некое подобие часового механизма, где порядок и закон доходили до такой степени, что однажды всесильный прусский король Фридрих Великий проиграл в суде дело собственному подданному (речь шла о каком-то мелком земельном споре). Прожив в России двадцать лет, Петр, такое впечатление, так и не понял до конца русскую душу. А впрочем, у него и не было к тому особых возможностей – очень уж узок был круг его общения, состоявший в основном из придворных. Да и потом не нашлось умного советчика, способного бы убедить: где-где, а в России тайную полицию распускать нельзя. Вот он и остался в убеждении, что всеми сторонами жизни руководят исключительно закон и порядок, и, коли уж он законный государь, опасаться ему нечего. Зато Екатерина (в отличие от мужа, родного внука Петра I, чистокровнейшая немка) как-то ухитрилась проникнуться именно что русским духом. А русский дух – понятие, включающее в себя слишком многое. В том числе и не раз претворявшееся в жизнь старое убеждение, что самого что ни на есть законного государя можно запросто скочырнуть с престола, если найдется парочка верных полков (а то и вовсе какая-то сотня гвардейцев, с помощью которых трон и заняла Елизавета)...

У Петра, собственно говоря, оставалась еще полиция (во все времена занимавшаяся не только криминалом, но и всевозможными заговорами). Однако полиция его как раз и предала – не участием в заговоре, а умышленным бездействием (что от участия в заговоре как-то не особенно и отличается, по-моему).

О том, как все происходило, давно и прекрасно известно из первых рук – я имею в виду знаменитые «Записки» А. Т. Болотова, офицера, участника Семилетней войны. После ее окончания Болотов стал служить на немаленькой должности при столичном генерал-полицмейстере бароне Корфе. И подробно все описал.

Столичная полиция во главе со своим начальником знала о готовящемся перевороте задолго: что готовится, кто готовит. И Болотов, и его сослуживцы как раз и сидели на агентурных донесениях, попадавших, естественно, всей кипой и к Корфу. Конспирация у заговорщиков была поставлена из рук вон скверно, о чем упоминают многочисленные свидетели, так что и рядовые гвардейцы по пьянке наболтали по кабакам достаточно. Кстати, барон Корф был в большой милости у Петра.

Человек решительный и энергичный, нет сомнений, усмотрел бы в происходящем нешуточную возможность отличиться, вовремя разоблачив заговор и приняв все меры к его подавлению. Тем более что шансы на успех имелись изрядные. Далеко не все придворные сановники были сторон-

никами Екатерины. Не так уж и далеко, в Прибалтике, стояла армия генерала Румянцева – восемьдесят тысяч штыков, как на подбор, обстрелянные на Семилетней войне солдаты.

Однако Корф, по характеристике Болотова, был в первую очередь «хитрым придворным человеком». И, заранее зная о заговоре почти всё, откровенно принялся устраивать свою собственную судьбу. Постарался отдалиться от Петра, насколько было возможно, при любом удобном случае маячить возле Катерины, чтобы «ей всем, чем мог только, прислуживаться и подольщаться».

Какой поп – таков и приход. Офицеры Корфа, и Болотов в том числе, практически забросили служебные обязанности и дни напролет вели долгие унылые беседы: как бы ухитриться, чтобы остаться в стороне от всего этого и не угодить под замок, когда переворот все же грянет? Какая уж тут работа... Вдобавок к Болотову стал откровенно липнуть один из главварей заговора Григорий Орлов, явно пытаясь «привлечь в ряды», чтобы иметь своего человека в столичной полиции.

Сам Болотов ухитрился соскочить, пользуясь «Манифестом о вольности дворянской», по которому офицер в мирное время мог подавать в отставку. Форменным образом не вылезал из Военной коллегии, напряг все связи, какие только были, и получил-таки драгоценное отпускное свидетельство (или, как тогда говорили, «абшид»). Он так торопился оказаться подальше от нешуточных жизненных сложностей, что, как сам вспоминает, из Военной коллегии к себе на

квартиру бежал бегом. Прыгнул в возок, велел кучеру гнать что есть мочи и вихрем умчался из Петербурга за шесть дней до переворота...

Одним словом, переворот прошел удачно еще и оттого, что полиция бездействовала, начиная с руководства и кончая подчиненными. Самое занятное, что заговорщики оказались вынуждены выступить гораздо раньше, чем планировали. Выступление едва не сорвал не полицейский, а обычный гвардейский офицер, в заговор не посвященный вовсе. К нему подошел один из солдат его полка и прямо-таки с детской наивностью поинтересовался: ваше благородие, когда ж двинемся дурачка Петрушку свергать? Все разговоры, разговоры, когда ж за дело? Любопытный штришок к пониманию тогдашней ситуации: бравый рядовой даже не подозревал, что кто-то в полку может находиться вне заговора — таковы уж были настроения в гвардии...

Доля грустного юмора в том, что офицер как раз был преданным сторонником Петра. И владеть собой явно умел. Нисколько не проявив удивления, он втянул солдата в разговор и с самым непринужденным видом поинтересовался: это кто ж тебе, рядовому, проболтался насчет нашего заговора? Рядовой столь же бесхитростно ответил: ну как же, капитан Пассек (и в самом деле один из видных заговорщиков). Дескать, не сомневайтесь, ваше благородие, мы люди не сивопалые, кое-что понимаем, да и знаем немало...

Уболтав «собрата по заговору», офицер тут же помчался

куда следует. Тут уж, хочешь не хочешь, пришлось реагировать. Капитана Пассека сграбастали под арест, о чем заговорщики узнали очень быстро и, зная тогдашние методы «активного следствия», не на шутку испугались, что Пассек выдаст все и всех. Крепко сомневались, должно быть, в его стойкости. И моментально стали действовать, получилась чистейшей воды импровизация, но, как мы знаем из истории, закончившаяся успехом...

Впрочем, это уже политика, а у нас разговор идет о чисто полицейских делах...

Глава вторая

XVIII век: полиция крепнет

Неизвестно, учитывала ли Екатерина печальный опыт свергнутого супруга, в критический момент оказавшегося без толковой спецслужбы (как бы там ни было, Тайную канцелярию она очень быстро восстановила, изменив, правда, название на Тайную экспедицию, но задачи конторы остались прежними – тайный политический сыск).

Столь же скоро она предприняла довольно масштабные реформы касательно полицейского дела в России. Вот тут уже достоверно известно: она черпала опыт из сочинений французских философов Монтескье «О духе законов» и Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Французские так называемые «просветители» в то время как раз много внимания уделяли животрепещущему вопросу: как бы усовершенствовать общество и человека путем введения «разумных законов»? Как бы создать на их основе рациональную систему управления государством? Как бы избавиться от прежних пороков?

(Судя по всему, эти господа всерьез верили в то, что писали, а им, в свою очередь, всерьез верила Екатерина.) Одна беда: нигде и никогда самые «разумные» законы, в общем, человеческой сути не исправили и на состояние преступно-

сти особенно не повлияли. Такова уж человеческая природа, что самыми «разумными» законами ее не особенно и исправишь. Однако несколько десятилетий эти теории были в большой моде...

Уже в первый год царствования Екатерина занялась серьезными реформами полиции. Штаты сотрудников Петербургской и Московской полицейских канцелярий были увеличены. Из ведения полиции изъяли следственно-розыскные и судебные функции, а из ведения Главной полицмейстерской канцелярии – Розыскную экспедицию и сделали самостоятельным учреждением, подчиненным тогдашнему Министерству юстиции – Юстиц-коллегии (снова в полном соответствии с теми самыми французскими теориями о разделении административных и судебных властей).

Правительствующий Сенат был разделен на шесть департаментов – третий теперь контролировал все полицейские органы империи. А через три года Екатерина самолично составила «Наказ Главной полиции» – своеобразный «устав внутренней службы», своеобразную смесь деловых наставлений и благих побуждений, которые во все времена и во всех странах оставались исключительно на бумаге (все из-за того же несовершенства человеческой природы).

Руководителей полиции и их ближайших помощников предполагалось набирать из знатных фамилий, «которые должны быть освобождены от всяких недостатков, дабы могли избежать того, что может повредить чистоте их совести».

Иными словами, располагать достаточными средствами, дававшими бы им независимость от всевозможных соблазнов. (Вот только прекрасно известно, и не только в России, что богатство высокопоставленного чиновника еще не гарантирует от тех самых «соблазнов» – взяток, шалостей с государственной казной и прочим. Тут уж все зависит от честности конкретного человека.)

Впоследствии в «Уставе благочиния, или полицейском» были изложены требования, которым должны отвечать служащие полиции.

1. Здравый рассудок.
2. Добрая воля в исполнении порученного.
3. Человеколюбие.
4. Верность службе императорского величества.
5. Усердие к общему добру.
6. Радение в должности.
7. Честность и бескорыстие.

Там же говорилось об опасности взяток, которые «ослепляют глаза и развращают ум и сердце, уста же налагают узду».

В 1775 году в России была проведена реформа местных органов управления, подробно разработанная в «Учреждении по управлению губерний». Прежние провинции были упразднены, и вместо них империю разделили на губернии (так, чтобы в каждой было примерно равное число жителей). Губернии, в свою очередь, делились на уезды. Цен-

тральный орган управления полицией – пережившая не одну реформу Главная полицмейстерская канцелярия тоже была упразднена, а многие функции управления полицией переданы «на места» – губернаторам и подчиненному им губернскому правлению (что несколько напоминает Соединенные Штаты, где нет и не было единого органа, руководящего бы полицией всей страны).

Наконец-то была создана сельская полиция. В каждом уезде местное дворянское собрание выбирало трех-четыре заседателей так называемого «земского нижнего суда» и его руководителя, земского исправника, именовавшегося еще капитан-исправником. И капитан-исправник, и земской суд подчинялись губернатору, но функции у них были достаточно обширные: надзор за порядком в уезде и исполнением решений суда, предварительное следствие по уголовным делам. Капитан-исправник кроме того должен был еще и отвечать за состояние дорог и мостов, противопожарную безопасность, борьбу с эпидемиями и эпизоотиями (массовыми болезнями скота).

Кроме того, ему вменялось в обязанность «поощрять не только земледельцев к трудолюбию, но и вообще всех людей к добронравию и порядочному житию», что касалось и дворян уезда. Между прочим, это как раз было не оторванными от жизни благими пожеланиями, а конкретной мерой, направленной на то, чтобы ограничить произвол и злоупотребления помещиков. Таким образом правительство пыта-

лось поддерживать максимум спокойствия на местах. Провинциальные помещики частенько самодурствовали так, что порой кончалось не только крестьянскими возмущениями и беспорядками, но и убийством чересчур уж перегнувших палку дворян. А память о пугачевском бунте была еще слишком свежа... Поэтому капитан-исправнику и предписывалось принимать меры против «расточителей собственного своего имения» и людей, «порочащих дворянское звание». Екатерина прекрасно понимала, что опорой ее трона служит дворянство, но все же эту опору следовало держать в каких-то рамках...

Еще ниже, в деревнях и селах (село отличается от деревни тем, что в селе есть церковь, а в деревне церкви нет), порядок теперь должны были обеспечивать выбранные самими крестьянами сотские и десятские, обязанные «смотрение иметь и разведывать в селении и близ него против воров, разбойников, злоразгласителей (тогдашних агитаторов. – А. Б.), беглых». Несмотря на все последующие реформы полиции, эти должности сохранились до самой революции.

Чуть позже начали реформировать и городскую полицию. В городах учреждался новый орган – «Управа благочиния, или полицейская». Вместо отмененных полицмейстеров Управу теперь возглавлял городничий (кроме Москвы и Петербурга). Как повелось еще с допетровских времен, Управа не только выполняла полицейские функции, но и следила за «исправностью строений» и чистотой улиц, в ка-

честве судебного органа рассматривала уголовные и гражданские дела.

Введено было и новое административно-территориальное деление городов (относительно крупных). Город делился на «части», куда входило от 200 до 700 дворов, а части, в свою очередь, на кварталы (50–100 дворов). Частью руководил частный пристав, при котором состояли два полицейских сержанта, а в больших городах – целая полицейская команда. Приставу подчинялись квартальные надзиратели, а тем, в свою очередь, квартальные сторожа, к каждой должности «прилагался» конкретный чин – полицмейстеры в двух столицах приравнивались к генералу, городничие в столицах губерний – к полковнику, частные приставы – к штабс-капитану, квартальные надзиратели – к поручику (в других городах губернии все они стояли на чин ниже).

Вступивший на трон Павел I, человек требовательный, любитель дисциплины и порядка, не мог не заняться очередными реформами полиции – с учетом требований нового времени. При нем полиция в уездных городах по-прежнему возглавлялась городничими, в губернских ею стали заведовать полицмейстеры с соответствующим штатом служителей. Частных приставов и квартальных надзирателей сохранили, но упразднили должность квартального поручика (который при Екатерине избирался на три года жителями квартала и был чем-то вроде их представителя при полиции). Упразднили и Управу благочиния, передав ее полицейские

функции полицмейстерам и городничим, а судебные – судам. Именно в павловские времена были введены специальные жетоны для полицейских, указывающие их должность, и проведено окончательное «разграничение» с армией – полиция теперь считалась «частью гражданской» и к армейским делам отношения более не имела.

Полиция и в те времена грешила не особенно эффективной борьбой с преступлениями, так что многие оставались нераскрытыми из-за «недостаточного исследования». Узнав об этом, Павел распорядился отсылать в губернскую судебную палату со всей губернии все материалы по нераскрытым уголовным делам и тщательно проверять под личным контролем губернатора.

Он ввел и еще более интересную меру, направленную на усиление эффективной работы: возложил на губернаторов, полицмейстеров и городничих материальную ответственность при хищении и краже казенного имущества и разбойных нападениях на почту. (Что, с уверенностью можно сказать, подстегнуло служебное рвение всех перечисленных чинов – отвечать своим карманом как-то не особенно и приятно...)

Кроме того, губернаторам теперь предписывалось лично подбирать офицеров и чиновников для службы в полиции, тщательно проверяя кандидатов, отдавая предпочтение «людям беспорочной службы и поведения». Мера опять-таки неглупая. Вызвана она была тем, что очень уж многие офи-

церы и штатские чиновники, уволенные из полков или отставленные от службы за всевозможные прегрешения и «порочное поведение» в поисках теплого местечка, стали стремиться поступить на службу в полицию. Легко представить, какую «пользу» приносили такие кадры.

Павел, безусловно, продолжал бы реформы и дальше, но у него просто не осталось времени: 11 марта 1801 года он был убит дворянами-заговорщиками. И в этот раз, как в случае Петра III, самую неприглядную роль сыграла столичная полиция. Правда, на сей раз она не бездействовала, наоборот... Один из главных руководителей заговора граф Пален, генерал-губернатор Санкт-Петербурга (по должности руководивший и столичной полицией), руками своих подчиненных то и дело доводил до форменного абсурда распоряжения Павла, даже самые толковые (естественно, скромно умалчивая о своей в этом роли). Что, как легко догадаться, усиливало раздражение и недовольство столичного дворянства императором – все полагали, что эти идиотские нововведения исходят как раз от него...

Еще и из-за этого Павел был совершенно несправедливо ославлен в глазах тогдашнего «общественного мнения» как полусумасшедший сатрап – подобно своему отцу. «Черные легенды» об обоих императорах порой дают о себе знать и в наше время...

Глава третья

XIX век: реформы продолжаются

Одной из самых важных реформ при Александре I стало создание в 1802 году вместо прежних органов управления министерств (пока что только восьми). В том числе и Министерства внутренних дел. Правда, по своим функциям оно изрядно отличалось от современного. Чисто полицейскими делами в нем руководил лишь один из нескольких департаментов, а главной задачей были разнообразные дела государственного управления. Все губернаторы теперь «числились» именно по МВД. Оно же занималось государственной промышленностью, кроме горной, государственным строительством, почтой, торговлей и многим другим. С небольшими изменениями эта система сохранялась до революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.